

последовательным и точным, Аристотелю следовало исключить из класса глаголов также императив, субьюнктив, вопросительные формы, так как понятие утверждения не охватывает этих форм. Они не создают общего суждения²⁸.

При определении наклонения Итал повторяет слова схолиаста Τέχνη γρ.: «Наклонение есть намерение (хотение) души, означенное единицей, выраженной звуками. Но это есть простое высказывание, также имя благодаря слову «не» превращается в простое высказывание, так как делается определением и простой единицей, выраженной звуками и почти схожей с глаголом»²⁹.

Для того чтобы понять это место, надо знать, какие предложения разбирает Аристотель с логической точки зрения. Его учение о λόγος-е таково: предложение есть звуковое изложение, которое людьми употребляется условно и часть которого, самостоятельно взятая, означает что-нибудь как простое высказывание (φάσις), а не как утверждение (κατάφασις) или отрицание (ἀπόφασις).

Говоря о глаголе, Итал излагает учение Аристотеля и стремится исправить его посредством новых теорий. В частности, он старается примирить взгляды Дионисия и Аристотеля. То, что он использовал труд Дионисия, видно из терминов *παρεπόρμεναι* (акциденции) и *βούλημα ψυχῆς* (намерение, хотение души)³⁰. На использование трудов Аристотеля указывают много терминов и целые выражения.

Автор пространно рассуждает об имени и глаголе, поскольку его, как логика, интересуют только эти части речи. Рассуждения о других частях речи крайне лаконичны. Говоря о них, он разбирает только одну-две апории.

Таково в самых общих чертах содержание трактата. Следует отметить, что Итал считает неудовлетворительной традиционную схему частей речи, которая и в современной лингвистике признается негодной из-за отсутствия единого классификационного принципа. Это видно из того, что все дефиниции, взятые в отдельности, им отрицаются и в них он находит апории. Аристарху и Дионисию Фракийскому такая точка зрения незнакома; они давали лишь позитивные определения. При этом Итал уделяет внимание и формальному анализу слов, например в параграфе об имени, причастии, местоимении.

Особо следует обратить внимание на метод исследования Итала, применяемый как в этой работе, так и в других. Итал совершенно игнорирует то положение, что грамматика или философия есть *ancilla theologiae*; он не прибегает к теологии при исследовании того или иного вопроса, считаясь только с силой своего разума и разума других ученых.

В письме Итал обращается к адресату как к человеку, которому хорошо известна обстановка, существующая в Константинополе. Автор говорит, что некоторые обстоятельства он вынужден обойти молчанием, его удерживает какая-то сила. Но в том, что касается науки, он высказывается до конца и подчеркивает, что адресат прекрасно знает все источники. Итал не называет ни одного автора; он как бы считает само собой разумеющимся, что адресату известны Дионисий Фракийский, схолиасты,

²⁸ V. Brendal. *Les parties du discours (partes orationis)*. Copenhague, 1948, p. 48.

²⁹ *Dionysii Thracis Ars grammatica*, p. 47: βούλησις ψυχῆς διὰ φωνῆς σημαυομένη. Немного ниже схолиаст пишет: βούλημα.

³⁰ Смарагд (IX в.): три лица глагола — это есть вдохновение от бога. Существует восемь частей речи, так как восемь является святым числом. Комментарий Τέχνη γρ. Давид: каждое творение получает имя от бога. Имя падает прямо свыше, поэтому имя есть прямой падеж (ὀρθῆ πτώσις). См. Н. Адонц. Дионисий Фракийский. . . , стр. CLXI; *Словарь Суды*, s. v. ὄνομα.